

МЕСТО ФЕНОМЕНА ВНИМАНИЯ
В ЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ГУССЕРЛЯ:
АБСТРАКЦИЯ И ИНТЕНЦИЯ

Андрей Нечаев¹

Abstract

The article deals with the place of the phenomenon of attention in Husserl's *Logical Investigations*. Originals of the first (1901) and the second (1913) editions of *LI*, as well as translation of Molchanov (2011) have been used. Productive and reproductive modes of attention in Mill's theory of abstraction criticized by Husserl have been revealed. The concept of *mitbeachten*, which occurred in § 21 of the Second Investigation is analyzed in detail. It is emphasized that even in Husserl (and not only in Gurvich and Merleau-Ponty) attention demonstrates an important feature of absorption (*das Aufgehen*) which differentiates attention from intentional experience.

Keywords: attention, abstracting, exclusive interest, subsidiarily notice, preference, intentional experience, absorption.

Бернхард Вандельфельс в своей монографии *Феноменология внимания*, делая историко-философский анализ проблемы, замечает: «Решающего прорыва Гуссерлю удалось достичь в *Логических исследованиях* (особенно в 22-м параграфе первого² исследования “Абстракция и внимание” и в 19-м параграфе пятого исследования “Интенция и внимание”...»³. Сам Гуссерль – уже в своих *Идеях I* – ретроспективно упоминает 22-й и 23-й параграфы второго *Логического исследования*.⁴

Второе исследование рассматривает феномен вида (*Specie*) в контексте критики традиционного понимания вида как абстракции, то есть как отвлечения от индивидуальных качеств. Этот контекст надо постоянно иметь в виду, чтобы правильно осветить гуссерлевское понимание феномена внимания.

Собственно о внимании речь заходит в третьей главе данного исследования. Первый (13-й по сквозной нумерации) параграф этой главы называется «Номиналистиче-

¹ Андрей Нечаев – кандидат философских наук (г. Воронеж, Российская Федерация).

² Очевидно, опечатка.

³ Waldenfels B. *Phänomenologie der Aufmerksamkeit*. Suhrkamp Verlag, Frankfurt/Main, 2004. S. 25.

⁴ Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. Книга первая / Перев. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Академ. проект, 2009. С. 297.

ские теории, которые рассматривают абстракцию как результат внимания». Здесь Гуссерль обращается к анализу теории абстрагирования Милля. При этом имеется в виду полемическое сочинение против Гамильтона *An Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy*, которое в дальнейшем обширно цитируется на языке оригинала. Гуссерль сразу замечает, что, согласно миллевской теории, «абстрагирование есть просто результат внимания». Вполне в духе эмпиризма Милль отрицает существование «общих представлений» и «общих предметов». Понятно, что он не отрицает возможность наглядного представления «единичных конкретностей». Поэтому «когда мы наглядно представляем единичные конкретности, мы можем направить наше исключительное (*ausschließliche*) внимание или наш исключительный интерес на различные части или стороны предмета»⁵. Заметим, что «внимание» и «интерес» употребляются тут как синонимы. Гуссерль находит противоречие в отрицании существования общих представлений и одновременном рассмотрении их самих по себе.

Исключительность интереса, или, что то же самое, исключительность внимания, является важным моментом в теории абстрагирования Милля–Гамильтона.⁶ Причём исключительность означает здесь не столько интенсивность, сколько – буквально – действие по исключению несущественных признаков или атрибутов. Это важно для Милля, пытающегося доказать тождественность внимания-исключения и абстрагирования-отвлечения.

Отметим ещё одну важную дистинкцию. В процессе образования общих понятий внимание включается дважды и при этом в разных модусах. Первый раз в продуктивном модусе – при выделении в конкретном предмете существенного признака-атрибута, а второй раз – в репродуктивном модусе – под влиянием имён, присоединившихся к этим выделенным признакам.

Следующие четыре параграфа (14–17) направлены против номиналистического подхода к образованию общих понятий, примером которого явилась вышеописанная теория Милля. Первое возражение формулируется как «Отсутствие дескриптивной фиксации цели» (*Der Mangel einer descriptiven Fixirung⁷ der Zielpunkte*)⁸. Здесь Гуссерль говорит о различении «дескриптивно данного» и

⁵ Гуссерль Э. *Логические исследования*. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Перев. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академ. проект, 2011. С. 125. (Далее – *ЛИ*.) См. также: Husserl E. *Logische Untersuchungen*. Zweiter Theil: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Halle A. S. Max Niemeyer, 1901. S. 136. (Далее – *ЛУ*.)

⁶ Несмотря на то что сочинение Милля направлено против воззрений Гамильтона, в отношении нашей проблемы, проблемы внимания, они единодушны. Сам Гуссерль пишет, что Милль «перенял понимание абстрагирования как функции внимания у своего противника-концептуалиста» (*ЛИ*, с. 3, 125; *ЛУ*, S. 4, 137).

⁷ Здесь и далее сохранена орфография первого издания.

⁸ *ЛИ*, с. 128; *ЛУ*, S. 139.

«требующего прояснения», замечая, что в миллевской теории абстрагирования это различие отсутствует. Сразу после вышеупомянутого требования он предлагает повторить мыслительный ход с осознанием различия в сфере имён, а именно: «различие имён, которые называют Индивидуальное, и тех, которые называют Видовое». В его примере первые (индивидуальные) имена – это Сократ и Афины, а вторые (видовые) – цифра четыре, нота «до» и красный цвет. Затем делается важное уточнение о соотношении «имён», «значений» и «предметов»: «Именам соответствуют определённые значения, и посредством их мы относимся к предметам». Отсюда делается вывод, что и в случае употребления видовых (общих) имён мы имеем их предметно, но не индивидуально. Предметность же и представленность – это синонимы. Отсюда следует вывод о существовании общих представлений, противоречащий номинализму вообще и миллевской теории абстрагирования в частности. Причём, подчёркивает Гуссерль, предметность видов дана с очевидностью, то есть непосредственно в созерцании. Таким образом, подразумевающий акт подразумевает идеальное вне-временное единство. Рефлексия на переживания актов, в которых подразумевается индивидуальное и видовое, показывает, что «в отдельном акте мышления общее может проявляться в субъективном сознании и при определённых условиях становиться очевидной данностью»⁹.

Пятнадцатый параграф представляет собой второе возражение против миллевской теории абстрагирования, теперь уже в непосредственной связи с понятием внимания. Гуссерль пишет, что современный номинализм в лице Милля отвергает «не только абсурдные общие идеи Локка, но также общие понятия ... в том смысле, который с очевидностью выявляет анализ мышления в соответствии с его объективным содержанием значений, и выявляет как такой смысл, который конститутивен в отношении идеи единства мышления». Причина этого заблуждения состоит в неверном понимании психологического анализа. Это неверное понимание состоит в следующем:

«Естественная склонность направлять взгляд всегда только на первично созерцаемое и, так сказать, осязаемое в сфере логических феноменов сбивает с пути и ведёт к тому, что наличествующие наряду с именами внутренние образы понимают как значения имён»¹⁰.

В нашем случае важно отметить, что внимание как раз отождествляется с вышеупомянутой естественной склонностью. Кроме того, Гуссерль настаивает, что акт, подразумевающий общее, есть самостоятельный отдельный акт, а не производное от акта, подразумевающего единичное. Здесь Гуссерль подчёркивает различие между психологией абстрагирования и феноменологией

⁹ *ЛИ*, с. 129–130; *ЛУ*, S. 141.

¹⁰ *ЛИ*, с. 131; *ЛУ*, S. 142–143.

абстрагирования. Феноменологию, в отличие от психологии, интересуют только сущность и смысл (значение), которые в данном случае отождествляются с понятием вида как центральным для логики и теории познания. Понятие вида так же непосредственно содержится в сущности переживания, как и переживание индивидуального. Заострение внимания на отдельных чертах созерцаемого предмета не приближает нас к очевидности различия общего и индивидуального.

Шестнадцатый параграф представляет собой третье возражение против номиналистической теории абстрагирования. Здесь подчёркивается различие между двумя видами общего: «между общим [как результатом] психологической функции и общим, которое принадлежит самому содержанию значения»¹¹. Гуссерль критикует номиналистическую теорию абстрагирования за непризнание самостоятельного вида сознания – сознания видового общего. Так, он пишет:

«Сознание видового общего должно выступать как существенно новый способ “представления” [как акта], и притом способ, который не просто является новым способом представления индивидуальных единичностей, но благодаря которому осознаётся новый вид единичностей, а именно видовые единичности»¹².

Семнадцатый параграф представляет собой четвёртое возражение против номиналистической теории абстрагирования. Здесь речь идёт о применении к критике номинализма выделенного различия психологического общего и логического общего. Главную ошибку номиналистической теории абстрагирования Гуссерль видит в том, что «она совершенно упускает из виду формы сознания (формы интенции и коррелятивные им формы осуществления) в их несводимом своеобразии». Отсутствие дескриптивного анализа приводит «к непониманию того, что логические формы суть не более чем эти формы интенции значения, возведённые в сознание единства, то есть формы, которые сами объективированы в идеальные виды (*zu idealen Species objectivierten Formen der Bedeutungsintention*). И к этим формам относится как раз и общее»¹³. Далее идёт речь о вышеупомянутом номиналистическом смешении различных понятий общего. Гуссерль настаивает на существовании отдельного акта, «в котором всё же живо совершенно целостное сознание общего»¹⁴.

В 18-м параграфе (*Die Lehre von der Aufmerksamkeit als generalisierender Kraft*) Гуссерль критикует другую разновидность номинализма, восходящую к Беркли. Это направление остаётся в русле центрального для проблемы абстрагирования (видообразования) вопроса о том, «каким образом возникает вид как неразличимое

¹¹ ЛИ, с. 134; ЛУ, S. 146.

¹² ЛИ, с. 136; ЛУ, S. 148.

¹³ ЛИ, с. 136; ЛУ, S. 149.

¹⁴ ЛИ, с. 137; ЛУ, S. 149.

(*unterschiedslose*) единство в противоположность многообразию»¹⁵. Однако, в отличие от Милля, представители берклевского номинализма пытаются ответить на этот вопрос, «не обращаясь к общему ... применению того же самого имени и понятия ко всем предметам объёма этого понятия». Доводя до логического конца идею Беркли, приходится признать, что «абстрагирование как исключительная направленность интереса вызывает то, что различённость абстрагированного, его индивидуализация теряется»¹⁶.

Деятнадцатый параграф представляет собой первое возражение в адрес вышеописанной берклевской теории абстракции. Это возражение формулируется в заголовке следующим образом: «Исключительная направленность внимания (*das ausschließliche Achten*) на какой-либо признак как момент [предмета] не выделяет¹⁷ его индивидуальность». Неприемлемость берклевской теории абстрагирования становится очевидной исходя из цели, «которой должна служить теория абстрагирования, а именно: прояснить различие общих и индивидуальных значений, т. е. выявить сущность этого различия, коренящегося в созерцании». Иными словами, если не выделяется индивидуальное значение, то нельзя выделить и общее значение; нельзя говорить об их различии. Для того чтобы видеть, что, собственно, подразумевается посредством выражений, необходимо воспроизвести интуитивные акты, в которых словесные интенции осуществляются в созерцании. Абстрагирование как некое выражение также должно быть доведено до созерцания. Иными словами, «абстрагирование должно быть ... актом, в котором реализуется сознание общего как осуществление интенции общих имён»¹⁸. Далее ставится вопрос о возможности достижения созерцательного различия общих и индивидуальных значений (и, следовательно, достижения абстрагирования) с помощью внимания. В этом контексте Гуссерль даёт собственную формулировку внимания.

Внимание – «это есть функция, которая в своеобразной дескриптивной манере отдаёт предпочтение каким-либо предметам сознания и различается ... только благодаря предметам, которым она отдаёт предпочтение»¹⁹.

В упрёк теории абстрагирования (видообразования) посредством внимания Гуссерль вновь ставит то, что в ней «не может быть никакого существенного различия между актом, в котором подразумевается (*Meinen*) индивидуальное, как это имеет место в случае интенции собственного имени, и актом, в котором подразумевается общее, которое присуще именам атрибутов; это

¹⁵ *ЛИ*, с. 137; *ЛУ*, S. 149–150.

¹⁶ Waldenfels, op. cit., S. 137; *ЛУ*, S. 150.

¹⁷ «...behebt nicht» очевидно следует переводить «не устраняет», что соответствует проводимой критике берклевского номинализма.

¹⁸ *ЛИ*, с. 139.

¹⁹ *ЛИ*, с. 140; *ЛУ*, S. 152–153.

различие состоит только в том, что в одном случае как бы фиксируется во внутреннем взоре весь индивидуальный предмет, а в другом – атрибут»²⁰. Смысл, а именно смысл вида как единства многообразия, должен стать, согласно Гуссерлю, самостоятельной реальностью сознания, в отличие от предметного момента в чувственном явлении, «который выступает в чувственном явлении как отдельный случай вида». Именно благодаря этому смыслу «мы можем говорить об одном и том же тождественном атрибуте, о виде как единстве многообразия». О смысле как видовом единстве, согласно Гуссерлю, можно говорить лишь в случае признания другого вида сознания, другого акта. В противоположность этому, теория абстрагирования на основе внимания утверждает, что «направленность внимания на весь объект в целом и направленность внимания на его части и признаки есть по существу один и тот же акт»²¹.

Двадцатый параграф представляет собой второе возражение к сформулированному в 18-м параграфе учению о внимании как обобщающей силе. Здесь критикуется изложенная в 18-м параграфе точка зрения Беркли, согласно которой «при геометрическом доказательстве относящегося ко всем треугольникам утверждения мы имеем в виду каждый раз единичный треугольник, треугольник на чертеже, и что мы при этом используем только те определения, которыми обозначается вообще треугольник как треугольник, в то время как мы отвлекаемся от всех других определений». Иными словами, «то, что мы используем только эти определения, означает, что мы только на них обращаем внимание, что мы только их делаем объектами исключительного внимания». Подразумевается, что таким образом мы обходимся без допущения общих идей. Ход рассуждения Беркли вполне устраивает Гуссерля, но его не устраивает полагаемое в основу толкование. Беркли смешивает «конкретный единичный случай, из которого сознание общего черпает свою интуитивную полноту, с предметами интенции мышления»²². Таким образом, Беркли также не учитывает своеобразие сознания, «которое непосредственно схватывает видовое единство на интуитивной основе»^{23 24}.

Двадцать первый параграф третьей главы называется «Различие между направленностью внимания на несамостоятельный

²⁰ ЛИ, с. 149; LU, S. 153.

²¹ ЛИ, с. 141; LU, S. 154.

²² ЛИ, с. 142; LU, S. 155.

²³ ЛИ, с. 143; LU, S. 156.

²⁴ При этом Гуссерль всё-таки допускает возможность участия внимания в видообразовании или, по крайней мере, возможность обращения внимания на идею вида. Но это уже не исключающее (*ausschließliche, exclusive*) внимание Беркли и Милля: «То, на что мы, следовательно, обращаем внимание (*Das, worauf wir also achten*), не есть ни конкретный объект созерцания, ни какое-либо “абстрактное частичное содержание” ... напротив, это есть идея в смысле видового единства» (ЛИ, с. 143; LU, S. 156).

момент созерцаемого предмета и на соответствующий атрибут как вид *in specie*». Гуссерль рассматривает здесь следующую трудность теории абстрагирования (видообразования) как результата внимания: внимание в этой теории обращено к индивидуальному моменту. Внимание (интерес) направлено либо на индивидуальное, либо на общее. Гуссерлю же надо заметить сразу их соотношение (различие). Иными словами, чтобы обратить внимание на индивидуальное, надо уже иметь представление и об общем. И наоборот, чтобы обратить внимание на общее, надо иметь представление об индивидуальном. Ведь индивидуальное и общее – это соотносительные понятия. Если при исключительном внимании к общему мы не различаем индивидуальное, то и общее перестаёт быть общим, а становится несамостоятельным моментом:

«При рассмотрении единичного в сферу интереса попадают индивидуализирующие моменты, при рассмотрении вида они остаются исключёнными; “интерес направлен только на общее”, т. е. на содержание, которого самого по себе недостаточно для различения индивидуального»²⁵.

Здесь Гуссерль рассматривает парадокс соотношения сознания единичного (обозначаемого собственным именем) и индивидуализирующих моментов. Отбрасывание положений, показавших свою абсурдность, вынуждает сторонников теории «интересующегося абстрагирования» признать самостоятельное сознание общего:

«Если хотят, в конце концов, найти новый выход из положения [и утверждать], что на индивидуализирующее хотя и не направляется специально внимание как на то, чем мы преимущественно интересуемся, а также не направляется к нему внимание и попутно как на находящийся совершенно вне господствующего интереса объект, но, скорее, направляется на него внимание имплицитно (*mitbeachtet*)»²⁶

²⁵ *ЛИ*, с. 143; *LU*, S. 157.

²⁶ Важное для нашей темы слово *mitbeachten* трижды встречается в этом параграфе. Первый раз – во втором предложении третьего абзаца, где Гуссерль ставит вопрос: «*ob wir in der individuellen Betrachtung die individualisierenden Momente, die wir doch mitbeachten sollen, nothwendig auch meinen*». Молчанов переводит: «действительно ли мы при рассмотрении единичного, всё же обязательно *обращая попутно внимание* на индивидуализирующие моменты, их также с необходимостью и подразумеваем». Второй раз – в четвёртом предложении пятого абзаца: «*Wo sich das Allgemeinheitsbewußtsein intuitiv, als wahre und echte Abstraction vollzieht, ist der individuelle Gegenstand der fundirenden Anschauung sicherlich mitbeachtet, obschon durchaus nicht gemeint*». – «Там, где сознание общего интуитивно осуществляет истинное и подлинное абстрагирование, индивидуальный предмет фундирующего созерцания несомненно *со-осознаётся*, хотя совершенно не имеется в виду». Третий раз – в процитированном выше первом предложении последнего абзаца: «*Wollte man endlich zu der neuen Ausflucht greifen, daß das Individualisierende zwar nicht so speciell beachtet sei, wie das, wofür wir vorzüglich interessirt sind, auch nicht nebenbei beachtet, wie die ganz außerhalb des herrschenden Interesses liegenden Objecte, vielmehr*

как на относящееся к нашему интересу и своеобразно заключённое в его интенции, то тогда уже покидают почву этой теории. Она всё же претендует на то, чтобы обойтись лишь точечной направленностью взгляда на данный конкретный предмет или на данную в нём особенность, и теперь завершает это тем, что предполагает различные формы сознания, от которых она должна была бы избавиться»²⁷.

В 22-м параграфе, говоря о фундаментальном пробеле в феноменологическом анализе внимания, Гуссерль держится в русле критики теории абстрагирования как результата внимания. Главным предассудком локковской теории абстрагирования Гуссерль считает отождествление предметов внимания с психическими содержаниями. Гуссерль настаивает на том, что направленность внимания на пережитые психические содержания не может дать абстрактную идею. Внимание как надстройка над актом созерцательной данности атрибута заменяется специальным актом данности вида. В дальнейшем в этом параграфе предлагается различать чувственное и нечувственное абстрагирование; но, по-видимому, в любом случае имеет место акт нового типа (идеация), а не акт простого внимания.

В 23-м параграфе (*Die sinngemäße²⁸ Rede von der Aufmerksamkeit umfaßt die gesammte Sphäre des Denkens und nicht bloß die des Anschauen*) речь идёт о несводимости актов внимания к психическому содержанию. Следует ряд примеров, показывающих, что объектами нашего внимания могут быть и чисто логические предметы. Гуссерль последовательно отличает логическую предметность, на которую мы направляем внимание, как от материи, так и от формы сопутствующего чувственного созерцания:

«Ни созерцание единичного, которое, например, сопровождает мыслительные представления ... ни типологические свойства актов, которые формируют созерцание ... но мыслительные объекты ... есть то, на что мы направляем внимание»²⁹.

mitbeachtet, als mit zu diesem Interesse gehörig und von seiner Intention in eigenthümlicher Weise implicirt – so verläßt man schon den Boden der Theorie» – «...скорее направляется на него внимание имплицитно...». Первый вариант перевода – «попутное обращение внимания» – используется Молчановым также и для *nebenbei beachtet sein*. Во втором случае это важное для нашей темы комплексное внимание совсем исчезает. В третьем случае в переводе исчезает усложняющее *mitbeachten*, зато появляется имплицитность, взятая из имплицитности интереса. Впрочем, следуя логике самого Гуссерля, следует заметить, что сам этот термин является для него «уловкой» оппонентов, попыткой скрыть наличие отдельного сознания общего.

²⁷ *ЛИ*, с. 145; *ЛУ*, S. 158–159.

²⁸ Выделение «осмысленных» высказываний о внимании, конечно, оставляет место и для «неосмысленных» (без негативной коннотации) высказываний, например, Милля об актах внимания, направленных к психическому содержанию. Но такое внимание не позволяет мыслить логический предмет.

²⁹ *ЛИ*, с. 149; *ЛУ*, S. 163.

Итак, объектами внимания могут стать как чувственно созерцаемые, так и мыслимые предметы. Иными словами,

«объём единого понятия внимания настолько ... широк, что он ... охватывает всю область созерцательного и мыслительного полагания... В конечном итоге, он простирается настолько же широко, как и понятие сознания о чём-либо»^{30, 31}

Впрочем, совпадение объёмов внимания и сознания не позволяет говорить об их содержательном тождестве; речь идёт об актах внимания как «об определённом предпочтении (*Bevorzugung*) внутри сферы сознания»³².

Ещё раз Гуссерль возвращается к проблеме внимания во второй главе пятого исследования. Эта глава называется «Сознание как интенциональное переживание» или – в первом издании – «Сознание как психический акт». В целом, пятое исследование носит название «Об интенциональных переживаниях и их “содержаниях”». Собственно о проблеме внимания речь заходит в 13-м и 19-м параграфах второй главы пятого исследования.

Тринадцатый параграф называется «Фиксация нашей терминологии» и в общем является продолжением разграничения понятий «психический феномен» и «интенциональное переживание». В нашем случае существенно то, что Гуссерль, уточняя понятие интенционального акта, разделяет таким образом понятия «интенция» и «внимание». Уже закрепившийся термин «интенциональный акт» несёт в себе опасность смешения этих понятий. Так, он пишет, «зачастую мы говорим об интенции в смысле внимания, специально направленного на что-либо, нацеленного взгляда» (*im Sinne des auf etwas speciell Achtens, des Aufmerkens*). Однако понятие интенционального предмета не совпадает с предметом внимания: «не всегда интенциональный предмет есть предмет, который специально выделяют, на который направляют внимание» (*Doch nicht immer ist der intentionale Gegenstand vorzugsweise bemerkter, beachteter*). В случае сложных (составных, комплексных) интенциональных актов внимание проявляется лишь в одном из них: «Порой одновременно присутствуют и переплетены между собой многие акты, однако внимание особым образом “проявляет своё действие” в одном из них». Акт, в котором проявляется внимание, отличается от прочих одновременных с ним тем, что мы в нём «как бы растворяемся (*gehen wir gleichsam auf*)»³³. Гуссерль считает неуместным говорить

³⁰ *ЛИ*, с. 149; *ЛУ*, S. 164.

³¹ «Schließlich reicht er überhaupt soweit als der Begriff des Bewußtseins von etwas». – Этого предложения нет в первом издании.

³² *ЛИ*, с. 149; Husserl E. *Logische Untersuchungen*. Zweiter Band: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. I. Teil. Zweite, Umgearbeitete Auflage. Halle A. D. S. Max Niemeyer, 1913. S. 164.

³³ *Aufgehen* можно перевести и как «растворяться», и как «всходить, раскрываться». Понятно, что выбор того или иного варианта (мы растворяемся или мы раскрываемся) по-разному решает вопрос о присущих гуссерлевской трактовке внимания «эгологических и эгоцентрических

об интенции в смысле внимания, добавляя, что «для интенции в смысле направленности внимания (*das Aufmerken*) (мы будем иметь основание не считать эту направленность особым актом) мы как раз имеем этот термин *направлять внимание (aufmerken)*»³⁴. Далее речь идёт о различии интенции и целевой устремлённости, что не касается нашей темы.

К вопросу о месте внимания в сложных актах Гуссерль возвращается в 19-м параграфе. Здесь речь идёт о различиях в способе фундирования актов, а в качестве примера берётся различие между звучанием слова и смыслом (со ссылкой на выражение и смысл). При этом обнаруживается, что в структуре сложных актов «внимание» оказывается синонимом «различий значимости в действии» (*Unterschieden der Bedeutsamkeit in der Leistung*) и, соответственно, «предпочтения» (*Bevorzugung*).³⁵ Сложность акта (комплекс), по-видимому, состоит в объединении актов выражения, актов значения и актов осуществления в созерцании. При этом существенным оказывается не только способ объединения, но и активность. Понятие активности особенно важно в контексте нашей темы, потому что оно используется Гуссерлем для пояснения роли внимания в функционировании сложных актов. Так, в различии выражения и значения живёт наш интерес, который и переводит наше внимание со знака (выражения) на обозначаемое. При этом третий элемент комплекса – осуществление в созерцании – характеризуется «преобладающим интересом» (*herrschende Interesse*). Подчеркнём, что здесь, как и ранее, внимание используется Гуссерлем как технический термин; он не выстраивает теорию внимания, а лишь исследует его сдвиги (в *Идеях I* они будут названы аттенциональными³⁶) в реальном феноменологическом процессе. Причём конституирующими в этом процессе выступают предметы внимания (в данном случае – выражение и значение), сам же акт внимания определяется побочно и метафорически (луч света). Говоря о возможности особого поворота к физическому аспекту выражения, Гуссерль добавляет, что «...мы имеем здесь дело с одним случаем общего и, несмотря на все усилия, недостаточно проясненного

чертах, которые постепенно смягчаются, но и позднее полностью не исчезают» (Waldenfels, op. cit., S. 26). Однако о правильности выбранного В.И. Молчановым перевода свидетельствует фрагмент из предыдущего (12-го) параграфа пятого исследования: «Но если мы, так сказать, живём в соответствующем акте, если мы *растворяемся*, например, в восприятии как рассматривании являющегося процесса (*gehen wir z. B. in einem wahrnehmenden Betrachten eines erscheinenden Vorganges auf*) или в игре фантазии, в чтении сказки, в осуществлении математического доказательства и т. п., то нигде нельзя заметить *Я* в качестве точки соотнесения осуществлённых актов» (курсив мой. – А. Н.) (ЛИ, с. 346). Очевидно, мы имеем здесь дело с указанным Вальденфельсом «смягчением».

³⁴ ЛИ, с. 348; ЛУ, S. 357–358.

³⁵ ЛИ, с. 370; ЛУ, S. 381.

³⁶ Гуссерль, *Идеи к чистой феноменологии*, указ. соч., с. 292–297.

факта, факта внимания»³⁷. Далее делается важное уточнение, ещё раз подчёркивающее то, что Гуссерль отказывает вниманию (вероятно, в пику чрезвычайно распространённых в то время психологических теорий внимания, о чём сам он позднее пишет в *Идеях I*)³⁸ в статусе самостоятельного акта, определяя его как функцию – функцию интенционального переживания:

«...внимание есть особая функция (*auszeichnende Function*), которая принадлежит актам в уточнённом выше смысле интенциональных переживаний»³⁹.

Дескриптивному пониманию интенциональных переживаний (которое, по-видимому, и позволяет выделить внимание как их функцию) препятствует смешение пережитого с интенциональной предметностью. Наличие интенционального акта оказывается условием возможности внимания к соответствующей предметности:

«Акты должны быть налицо, чтобы мы могли в них “жить” и иногда “растворяться” (*aufgehen*) в их осуществлении, и в то время, когда мы делаем это ... мы обращаем внимание на предметы этих актов» (там же).

Косвенно характеризуя внимание (в контексте проблемы сложных актов) как предпочтение (*Bevorzugung*), которое выделяет (*erfährt*) один акт из других одновременных ему, Гуссерль задаётся риторическим вопросом о статусе этого предпочтения: должно ли оно «само расцениваться как акт», или речь идёт «скорее о простом осуществлении модусов актов (*bloße Vollzugsmodi*)»^{40, 41}, склоняясь к последнему варианту. Тем самым Гуссерль ещё раз подчёркивает, что в его задачу не входит разработка теории внимания. Его лишь интересует та функция, «которую выполняет внимание как выделяющий фактор типологических свойств акта в составных актах (*hebender Factor von Actcharakteren in zusammengesetzten Acten*); благодаря этой функции внимание оказывает существенное влияние на феноменологическое формообразование последних»⁴².

³⁷ *ЛИ*, с. 373; *ЛУ*, S. 385.

³⁸ Гуссерль, *Идеи к чистой феноменологии*, указ. соч., с. 297.

³⁹ *ЛИ*, с. 373; *ЛУ*, S. 385.

⁴⁰ Этого уточнения нет в первом издании.

⁴¹ *ЛИ*, с. 325; Husserl E. *Logische Untersuchungen. Zweiter Band: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. I. Teil. Zweite, Umgearbeitete Auflage.* Halle A. D. S. Max Niemeyer, 1913. S. 411.

⁴² *ЛИ*, с. 375; *ЛУ*, S. 426.